

АВСТРО-ГЕРМАНСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ПО ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ ВЕЛИКОГЕРМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА 1918—1919 ГГ.

А. А. Борисова

Воронежский государственный университет

В статье рассматриваются дипломатические отношения между Австрией и Германией по вопросу объединения в 1918—1919 гг. Анализируется отношение двух стран и их лидеров, исследована позиция министра внутренних дел Австрии Отто Бауэра, описываются переговоры и их результаты в 1918—1919 гг.

Когда осенью 1918 г. габсбургская монархия под гнетом внутренних противоречий находилась на пороге своей гибели, стало ясно, что немецкоязычные австрийцы стоят перед проблемой своего политического будущего. Существовало три возможности для будущего развития Австрии: во-первых, сохранить многонациональную монархию на федералистских началах; во-вторых, объединение Австрии с Германией; и, в-третьих, образование независимое государство Австрия с перспективой австрийской нации.

Однако уже в октябре 1918 г. стало понятно, что первая возможность — федерализация монархии — отпадает. Нерешенный национальный вопрос, дезинтеграция многонационального населения привели к осознанию того, что дальнейшее государственное сосуществование австрийцев со славянскими народами стало невозможным. Оставалось либо присоединиться к Германии, либо идти по небезопасному пути независимости.

12 ноября 1918 г. на третьем заседании Временного Национального собрания было решено считать Немецкую Австрию демократической республикой и составной частью Немецкой республики [1]. Поэтому после 1918 г. вопрос присоединения Немецкой Австрии к Германии постоянно находился в центре внимания правящих кругов как Австрии, так и Германии.

Германия стремилась к расширению экономического и политического господства в Европе в области политики и экономики, мостом к достижению которого была Австрия. Основной упор немецкой политики сближения делался на дипломатическую сферу. Особую роль в этом смысле сыграл назначенный в 1916 г. немецкий посол в Вене, граф Бото фон Ведель, который стал убежденным приверженцем немецко-австрийского

объединения и посредником между Берлином и Веной. В марте 1916 г. Ведель уже ходатайствовал об австро-немецких переговорах и настаивал на предварительном совещании об австро-немецком экономическом сближении. Австрийская сторона была очень уязвлена прямотой немецкой срочности и настоятельности и пыталась затянуть их, по возможности, дольше.

Более жесткой немецкая интервенция стала после смерти кайзера Франца Иосифа. Теперь скорый распад Австро-Венгерской монархии немцы считали делом решенным и открыто выступали с намерениями аннексии немецкоязычной Австрии, так как за граница принимала в расчет национальный распад Габсбургской монархии после войны и объединение остаточной Австрии с Германией. Идея аншлюса была поддержана политиками эмиграции — в первую очередь чехами Масариком и Бенешем. Присоединительное движение в Австрии получило большой стимул и одобрение со стороны лидеров других частей монархии.

Официальное австрийское руководство еще придерживалось фикции многонационального государства. Князь Бюлов выразил вследствие этого укрепленную немецкую уверенность в 1916 г.: «Даже если мы должны были проиграть эту войну, мы все же выиграем партию, поскольку аннексируем Австрию» [2]. Вместе с тем впервые появляется немецкая «идея компенсации», которая должна была стать существенным компонентом в немецкой внешней политике в течение первых послевоенных месяцев. В Германии предполагали, что Антанта после окончания войны будет вести экономическую войну против стран Центральной Европы (Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции). Поэтому немцы считали необходимым достичь по возможности согласования обеих экономических систем, как в экономическом законодательстве, так и в социальной политике.

Австрийская сторона пыталась достичь разделения экономических и политических переплетений. При выходе России из войны возник вакуум власти в том районе Европы, который был целью немецкой экспансии. Отягчающие изменения в Восточной Европе вызвали у западных держав полный переворот в оценке Австро-Венгерской монархии. Если недавно Антанта приветствовала решение о присоединении Австрии к Германии, то теперь она боялась такого перераспределения «баланса сил» в Средней и Восточной Европе в пользу Германии настолько, что сохранение Австро-Венгерской монархии снова получило определенную политическую важность как противовес могуществу Германии. Мысль о присоединении потеряла на западе свою привлекательность, поскольку присоединение остаточной Австрии к Германии означало бы экономическое, стратегическое и политическое укрепление и без того могущественной власти Германии. Изменчивая судьба идеи аншлюса зависела не от национального, народного течения, которое только намечалось, а от всемирно-политического и экономического развития.

Небезопасная, напряженная ситуация Австро-Венгрии в течение первых октябрьских дней 1918 г. была тщательно зафиксирована немецким имперским правительством. Насколько велик был немецкий интерес к Австрии, ясно из переписки между уже упомянутым немецким послом в Вене, графом Веделем и генералом Людендорфом. Вместе с рейхсканцлером Максом фон Баденом они задавали тон и проявляли инициативу в вопросе аншлюса в течение октября 1918 г.

Граф фон Ведель 2 октября 1918 г. сообщил министерству иностранных дел, что австрийцы, ввиду национального распада габсбургского государства, требовали присоединения к Германии. Они, по его мнению, видели в аншлюсе последнюю надежду и одновременно настаивали на проведении ясной немецкой политики по вопросу присоединения [3].

Немецкий посол в Вене, который был обеспокоен федеративными планами того времени, настаивал в Берлине на присоединении. Разумеется, было бы лучше, если бы австрийцы взяли инициативу на себя в этом вопросе, так как Антанта начала бы бояться возможности увеличения Германии. Германия не хотела создавать впечатление, будто бы она проводит империалистическую политику.

В середине октября 1918 г., в то время как на фронтах начались боевые действия и в Австрии не

было еще никакой ясности в желаниях населения, в Берлине снова стали активно ратовать за аншлюс. Ввиду военного положения и ожидаемых потерь территорий после заключения мира вспомнили о теории компенсации, которая уже обсуждалась в 1916/17 гг. Прежде всего, высшее командование искало возможность возместить вероятные территориальные убытки и в некоторой степени восстановить экономический потенциал. Усилившаяся национальная волна в Австрии позволяла Германии продолжать свою империалистическую внешнюю политику, ссылаясь на право самоопределения народов. При поддержке кругов тяжелой и химической немецкой промышленности, которая начала прощупывать новые рынки, имперское правительство тайно форсировало все присоединительные стремления. В военно-стратегических и экономических аспектах высшее командование видело в присоединении Австрии возможность образовать закрытую торговую область, которая создаст унифицированный большой внутренний рынок [4].

Генерал Людендорф считал присоединение неизбежным и думал, что «раньше или позже присоединение областей немецкой национальности осуществится» [5]. Такое развитие событий было бы, по его мнению, ценной компенсацией разочарований. В тот же день он передал императору Вильгельму II «Замечания об Австрии», где говорилось, что Венгрия и Австрия, окруженная независимыми и враждебно настроенными государствами, такими как Чехия, Румыния, Польша, нуждается в присоединении к Германии, чтобы дать жизнь и будущее своей расе [6].

Между тем вопрос дальнейшего существования обсуждался в Австрии в духе присоединения к Германии. Ярким сторонником аншлюса был, прежде всего, теоретик социал-демократии Отто Бауэр. Бауэр, который уже перед началом мировой войны предсказывал национальный распад Габсбургского государства, не сразу добился признания в своей партии как представитель левого крыла. Еще 11 октября 1918 г. руководство партии отклонило предложение Бауэра о присоединении. Виктор Адлер и Карл Реннер лелеяли еще надежду на создание австро-венгерской федерации. Несмотря на сдержанное отношение по вопросу аншлюса своих товарищей по партии, Бауэр разработал программу будущего Австрии, которую он изложил в статьях на страницах в *Arbeiter-Zeitung*.

Бауэр считал, что немецко-австрийское государство нуждается в судетонемецкой области и видел в объединении с Германией единственную возмож-

ность ее получить. 13 октября 1918 г. он писал: «Мы должны создать, по меньшей мере, три немецко-австрийских государства; внутренне-австрийское, немецко-богемское и силезско-североморавское... Даже самое большое из них, внутренне-австрийское государство, не способно самостоятельно существовать... Для немцев в Австрии, поскольку они придерживаются права на самоопределение народов, вообще возможна только одна программа. Мы образуем три немецко-австрийских государства, которые должны присоединиться как особые федеративные государства к Германии...» [7].

По существу корни политики аншлюса Отто Бауэра имеют идеологическую и экономическую природу. В Германии рабочий класс собирался захватить власть, а объединение обеих стран ускорит социальную революцию и будет способствовать учреждению могущественного социалистического центра. Поэтому в социал-демократическом предвыборном обращении 1919 г. говорилось, что теперь «возникла новая Германия: немецкий народ освободился от господства Пруссии, в большой немецкой социалистической народной республике немецкий рабочий класс борется за социализм... Мы хотим присоединиться к красной Германии! Присоединение к Германии есть присоединение к социализму» [8].

Бауэр считал немецкую Австрию экономически нежизнеспособной и видел лишь один выход — присоединиться к большой немецкой экономической области Германии» [9]. Кроме того, он полагал, что движение за присоединение усилило республиканскую идею — габсбургская Австрия как составная часть Германии была бы немыслима.

В конечном счете, романтические великогерманские идеи присутствовали в социал-демократическом движении за аншлюс. Здесь отчетливо отразилось понимание, что австрийцы являются частью немецкой нации, которого многие социал-демократы придерживались вплоть до эмиграции 1938 г. В то время как социал-демократия стала борцом за присоединение к Германии, для других партий Австрии на первом месте стоял вопрос о будущей форме государственного правления.

Так, в октябре 1918 г. либеральные партии ратовали за республику, христианские социалисты, напротив, выступали в защиту Дунайской федерации и за сохранение конституционной монархии и только небольшая часть интеллигенции сначала выступала за аншлюс. В немецко-национальных партиях не было отнюдь единодушного воодушевления по вопросу присоединения, только две пар-

тии: Немецко-австрийская партия Независимости и Немецкая Национал-социалистская рабочая партия — выступали за быстрое объединение с Германией. Разумеется, были и безусловные противники аншлюса: коммунисты и монархисты. Они были последовательными сторонниками независимой Австрии, которую одни видели как республику, другие — как ядро монархии. И хотя во влиятельных группах немногочисленного состава (христианские социалисты и немецко-национальная партия) было много капиталистических предпринимателей, они были, по меньшей мере, до 1920 г. решительными противниками аншлюса, так как опасались социализации в Великогерманской социалистической республике.

Таким образом, понимание политических объединений по вопросу присоединения только частично совпадало с общим мнением в Австрии и даже внутри партий часто имелись расхождения по этому вопросу.

Очевидная деятельность в вопросе аншлюса исходила с немецко-австрийской стороны. Действительно, австрийцы, ставшие «за ночь народом без государства», — как говорил Карл Реннер, — «испытывали тяжелый шок от распада хорошо функционирующей хозяйственной организации и сомневались, что оставшейся промышленностью можно возместить потерянные рынки сырья и рынки сбыта» [10]. Возникла идея о «нежизнеспособности» Австрии, которая искусно была пущена в ход немецкими политиками. Быстро распространились чувства беспомощности и незащитности Австрии. Социал-демократы, которые с самого начала пропагандировали присоединение Австрии к Германии, натолкнулись на отчуждение представителей промышленности, дворянства и крестьян. Промышленники и банкиры боялись немецкой конкуренции; аристократия, чиновники монархии, офицеры и высшее духовенство не надеялись на реставрацию Габсбургов посредством присоединения; крестьянское население, преимущественно католики, боялось протестантского севера. В федеральных землях настроение также не было единодушным. Тироль ратовал за собственную независимость, Каринтия беспокоилась за южные части страны, а Форарльберг решил плебисцитом присоединиться к Швейцарии.

Бауэр говорил о том, что при плебисците даже большинство проголосовало бы против присоединения. О национальном воодушевлении, которое настаивало присоединиться к так называемому братскому народу, не могло быть никакой речи.

Социалистические круги связывали идеологические мотивы с идеей аншлюса. Карл Реннер подчеркивал в беседе с немецким посланником, что австрийцы отстаивают идею присоединения без какого-либо воодушевления; опыт сотрудничества обоих партнеров на войне еще был слишком жив в памяти [11]. Таким образом, можно установить, что присоединительное движение не было в 1918 году народным движением; если во время некоторых периодов 1918—1938 гг. широкие круги в Австрии требовали аншлюса, то это происходило в большинстве случаев из-за разочарования политическими и экономическими условиями, а не из энтузиазма.

Опасение немцев в Германии, что распад Австро-Венгерской империи создаст вакуум власти, торопило высшее командование и имперское правительство решить вопрос о присоединении. Но в то же время с другой стороны все шаги должны были быть продуманы с самой большой осторожностью, чтобы не повлиять неблагоприятно на переговоры о перемирии и мирные переговоры. Можно предположить, что Германия в 1918 г. стремилась создать подготовку для аншлюса, меньше всего заботясь о национальных и экономических желаниях самих австрийцев.

Посол Ведель телеграфировал 16 октября 1918 г. в Берлин, что «поспешных действий против австрийцев, которые препятствовали бы ей захватить инициативу аншлюса, нужно избегать, чтобы Антанта не смогла обвинить Германию в империалистических амбициях» [12].

Ввиду императорского манифеста 16 октября 1918 г. немецкое имперское правительство решило, что издаст ясные политические директивы по вопросу Австрии. Это было в письме государственного секретаря Зольфа графу Веделю от 19 октября 1918 г.: «Ни один немец, даже социалист, не стоял бы в стороне и не допустил бы славянизации братской нации в федерации. Германия должна готовиться помогать австрийцам, и в случае необходимости принять их в Германию» [13]. Если габсбургское государство распадется, Зольф уверял, что имперское правительство окажет помощь и предоставит защиту австрийцам.

Относительно неизбежной политической участи австрийцев Зольф в своем письме выразил надежду, что независимое немецко-австрийское государство скоро будет создано и получит на мирной конференции разрешение решать собственное будущее по принципу самоопределения, и вскоре сможет присоединиться к Германии. До аншлюса

Зольф хотел, чтобы территориальные вопросы Польши и Эльзас-Лотарингии были урегулированы в немецком духе на мирных переговорах. Государственный секретарь отметил, что присоединение может позволить Германии распространить экономическую и даже политическую гегемонию на Богемию и Венгрию [14].

Из этого ясно следовало, что Германия проявляла сначала определенный интерес к сохранению монархии, чтобы образовывать «сильный фронт при мирных переговорах», но уже освоилась с мыслью независимой Австрии, которая должна была присоединиться к Германии. Вместе с тем мог быть создан основной базис для немецких империалистических стремлений. По содержанию ничего не изменилось, только методы менялись в зависимости от политического положения. Следовательно, план аншлюса Австрии должен был быть подготовлен уже в октябре 1918 г., причем тактика была выбрана такая, чтобы предоставить всю инициативу австрийцам.

Но у социал-демократов Австрии были совсем иные мотивы. «Победа немецкой демократии станет победой немецкого пролетариата, победой немецкого социализма. Никакая страна мира не созрела для социализма так, как Германия... Присоединение к Германии привело бы нас в общество, в котором все объективные предпосылки социализма уже выполнены», — писала *Arbeiter-Zeitung* [15].

В то время как руководитель партии Виктор Адлер от имени социал-демократической партии еще раз предложил народам монархии в своей речи перед депутатами образование «свободной Лиги наций» и в противном случае сообщил о присоединении Немецкой Австрии к Германии как сепаративное союзное государство, — национал-социалисты требовали прекращения контактов с прежними частями монархии и немедленного государственно-правового присоединения Австрии к Германии как федерация. В общем, на одной линии находились «немецкий национализм среднего класса и социализм рабочего класса», которые были направлены в своих «воздействиях против династии и ориентированы на присоединение» [16].

Граф Ведель предостерег нескольких депутатов подготавливать поспешную акцию аншлюса. Он их проинформировал, что Германия ни в коем случае не против присоединения, но этот шаг вызвал бы теперь ответное действие со стороны Антанты. Перед мирной конференцией присоединение Австрии не должно ни в коем случае осуществиться.

Интересы крупной промышленности представлял в этой связи Густав Штреземанн, ведущий член Всегерманского союза и с 1911 г. руководитель союза промышленников, который представлял экспортную промышленность. 22 октября 1918 г. он обещал министерству иностранных дел полную поддержку немецкого крупного капитала в случае аннексии Немецкой Австрии и этим подтверждал политические амбиции немецкой экономики. Также Густав Носке сделал как представитель немецкой социал-демократии однозначное заявление неограниченно отстаивать присоединение [17].

Комментарий Е. Келера по переписке Зольфа и Веделя с 19 по 22 октября 1918 г. характеризует фактическую ситуацию в вопросе присоединения. Прежде всего, немецкое правительство решило, когда узнало об окончательном крушении Габсбургов, принять в расчет возникшую Немецкую Австрию. Осуществление новой Дунайской федерации, по всей вероятности, не удалось бы, и в соответствующее время возможно после мирных переговоров Немецкая Австрия могла бы стать частью Германии. В то время как присоединение с австрийской точки зрения означало конец, причем исполнение законных стремлений к самоопределению играло важную роль, аншлюс с немецкой точки зрения был только лишь первым шагом в направлении господства Германии в Дунайском бассейне, который превратился бы вскоре после ухода Габсбургов в политически свободную от власти территорию. Для последующих событий можно употребить сравнение с принципом домино; как ясно свидетельствует из корреспонденции Зольфа-Веделя, для Германии присоединение означало бы, что оно приведет пограничную Чехословакию в зависимость от Германии, если Австрия сможет сохранить за собой немецко-богемские области. Владение Австрией дало бы повод Германии искать доступ к Адриатическому морю за счет Югославии или Италии. В свою очередь, на юго-востоке Венгрия в скором времени ощутила бы давление своего могущественного соседа, который распространит свое влияние вглубь Дунайского бассейна. Геополитическое присоединение означало бы заключительное установление Великогерманской империи, власть которой простиралась бы до Балкан [18].

27 октября 1918 г. Германия, проявляя свою заинтересованность в Австрии, оказала продовольственную помощь последней в размере 12 тыс. тонн зерна. Однако поддержка немецкого правительства относилась не к императорской Австрии, а к ново-

му государству. Германия предлагала ей официально полную поддержку, чтобы защитить южный фланг и лучше подготовить присоединение. Министерство иностранных дел поручало графу фон Веделю «настойчиво требовать быстрого назначения немецко-австрийского правительства». Немецкому послу было поручено в интересах официальной немецкой политики не содействовать открыто присоединению. Однако «было бы хорошо, если бы Австрия соединилась с Германией после мирной конференции» [19].

В Австрии события получили быстрое развитие: армия находилась в процессе распада, в то время как 30 октября 1918 г. в Вене установилось первое временное правительство Немецкой Австрии во главе с обоими социал-демократами Карлом Реннером в качестве государственного канцлера и Виктором Адлером в качестве государственного секретаря. Это была коалиция трех крупных партий. Но до сих пор не было принято решение ни об окончательной форме правления, ни о присоединении. Решение об аншлюсе не было принято, прежде всего, потому, что немецкий посол граф фон Ведель ходатайствовал к президенту Временного национального собрания Францу Дингхоферу, что «сейчас не нужно выражать мысль о присоединении к Германии, так как это могло бы повредить при заключении мира» [20]. Тем не менее, немецко-австрийский исполнительный комитет направил просьбу немецкому имперскому правительству о соблюдении немецко-австрийских интересов, а также о военной помощи для обеспечения государственных областей и для поддержания спокойствия и порядка. Это происходило также под впечатлением беспорядков, которые 30 октября носили в Вене социальный и политический характер. Массы требовали конца войны и провозглашения республики. В лозунгах демонстрантов не было ни слова о присоединении к Германии. Следующий этап в развитии отношений в направлении республики наступил после того, когда последнее имперское правительство Ламмаша передало управление немецкими областями Государственному Совету.

В то время как немецкие националисты требовали республики и присоединения — объединение с Германией с давних пор было основным требованием этой партии — христианские социалисты действовали нерешительнее и осторожнее. Прежде всего, в интересах экономики они полагали, что нужно остерегаться присоединения, так как австрийская промышленность не выдержит конкуренции с промышленностью Германии, что приведет

к экономическим жертвам. Но другого выхода защитить свою народность, кроме как присоединиться к Германии, они не видели [21].

Австрийскую социал-демократию особенно разочаровывало то, что отклика из Германии по вопросу аншлюса, прежде всего даже от братской партии, не было. С немецкой стороны государственный секретарь Зольф занял внешне приветливую, но сдержанную позицию, заверяя, что из тактических соображений необходимо повременить с этим вопросом [22]. Почти полная незаинтересованность немецких социал-демократов в присоединении исходит из ответа совета уполномоченных на телеграмму Отто Бауэра от 1 ноября 1918 г. В ответе сообщалось «не удовлетворять вопрос о присоединении из-за международного положения» [23].

Для немецкой социал-демократии, в противоположность международной традиции Австрии, были важны лишь временные национальные интересы Германии. Для немецких социал-демократов проблема благоприятного заключения мира была важнее, чем наднациональные намерения и мечтания Бауэра о завершении революции и будущей социалистической власти в Средней Европе.

Австрийцы со всей ясностью понимали свое изолированное положение и осознавали, что они потеряли с крушением монархии. Неудивительно, что они начали сомневаться в будущем своего маленького государства, когда их попытки потерпели неудачу. Однако они все же пытались продолжить экономическое сотрудничество с бывшими составными частями Габсбургской монархии.

Антанта имела негативное отношение к вопросу присоединения, потому что она боялась значительного прироста власти Германии за счет присоединения к ней Австрии и угрозы для Юго-Восточной Европы. На Западе видели в аншлюсе угрозу собственной безопасности и мира в Европе, несмотря на торжественно провозглашенное Вильсоном право самоопределения народов. Таким образом, немецкий генеральный консул в Осло сообщил уже 23 октября 1918 г. о воспрепятствовании аншлюсу [24].

Позиция Антанты не была тайной для немцев. Так, немецкий посол в Вене сообщил рейхсканцлеру Максу фон Бадену 30 октября 1918 г., что хотя большинство австрийцев было за присоединение, нужно принимать в расчет антипатию Антанты. 5 ноября 1918 г. немецкий посланник в Берлине передал секретное сообщение рейхсканцлеру, в котором говорилось, что «Франция больше всего

беспокоится из-за присоединения немецких австрийцев к Германии. Она понимает, что немецкое восьмидесятимиллионное государство должно получить рычаги управления Европой. Поэтому пытается способствовать спасению Австрии в какой-либо форме и даже в форме династии Габсбургов. Остальные страны Антанты не заинтересованы в этом. Англия и Америка не возражали бы против воссоединения немцев» [25].

Учитывая международную ситуацию, граф фон Ведель 7 ноября дал понять Виктору Адлеру, что руководство аншлюса — это дело Австрии. Сначала Германия хотела занять выжидательную позицию и провести присоединение только после заключения мира [26].

Отто Бауэр осознавал, что часть немцев выступает против аншлюса, отмечая, что «правительство и общественное мнение в Германии относились к присоединению более сдержанно и более боязливо, чем в Немецкой Австрии» [27]. Бауэр назначает послом в Германию австрийского представителя для ведения переговоров Людо Мориц Хартмана, убежденного сторонника аншлюса, которому, по мнению Бауэра, удалось вызвать сочувствие и интерес к присоединению.

Вплоть до конца февраля 1919 г. австрийские представители могли вести переговоры об аншлюсе лишь с послом Германии в Австрии графом фон Веледем, который придерживался позиции: «согласно праву самоопределения австрийцы должны свободно решать, а Германия не должна ничего требовать и аннексировать, если Австрия решается на присоединение, то мы это приветствуем» [28]. Все это лишний раз свидетельствует о нежелании нового германского правительства, пришедшего к власти после ноябрьской революции 1918 г., форсировать события в деле объединения с Австрией. Правительство Германии понимало, что при нынешних обстоятельствах и господствующем положении Антанты Франция будет делать все, «чтобы предотвратить присоединение, чтобы отстранить нас (Германию) от Балкан и Востока...» [29]. Поэтому из корреспонденции графа фон Веледя определенно явствует, как в Берлине относились к аншлюсу: необходимо поддерживать стремления Австрии к присоединению, но эти стремления должны исходить только от Австрии [30].

Но, несмотря на трудности, Бауэр совместно с Хартманом настаивали на скорейшем разрешении вопроса аншлюса. Бауэр утверждал, что аншлюс, который увеличит численность населения Германии лишь на 10 миллионов человек, не приведет к

усилению военной угрозы для 40 миллионов славян, венгров и румын и не нарушит равновесия сил в Европе [31].

При торжественном открытии Национального собрания Германии 6 февраля 1919 г. будущий президент Веймарской республики Ф. Эберт выразил надежду на скорое объединение с Немецкой Австрией. Лидер СДПГ и председатель Совета народных уполномоченных, открывая собрание, заявил, что вся германская нация «искренне и с радостью отвечает сердечным братством» и должна объединиться «в рамках одного государства» [32]. Эберт выразил надежду на то, что Национальное собрание сформирует в скором будущем новое правительство, которое будет вести переговоры с правительством австрийского государства об окончательном присоединении. «Между нами не должен стоять пограничный столб, если мы хотим быть братским народом» [33]. 7 февраля вновь выбранный президент немецкого Национального собрания Дэвид убеждал, что Немецкая Австрия на основе права на самоопределение относится к Германии и объединение для всех немцев является кровным делом. По временной конституции предусматривалось участие австрийских делегатов в государственном комитете после присоединения, но только имея право совещательного голоса. Проект германской конституции оставлял открытым вопрос о присоединении Австрии к Германии.

За идею объединения обоих государств с самого начала высказывался и новый министр иностранных дел Германии граф Ульрих фон Брокдорф-Рантцау [34]. Но министр осознавал, какие трудности могут возникнуть при скорейшем решении этого вопроса до окончания мирных переговоров с Антантой, дабы не скомпрометировать Германию в ее глазах. Эта политика, конечно, шла вразрез с желаниями австрийского правительства, делавшего акцент на отсутствие промышленности, тяжелое финансовое положение.

В начале февраля 1919 г. Бауэр отправился в Веймар и Берлин, чтобы вести переговоры об аншлюсе и другим вопросам. Министр иностранных дел Германии знал, что Бауэр хочет использовать свою поездку для того, чтобы поставить на рассмотрение политические, экономические и финансовые проблемы Австрии и добиться от Германии в этих вопросах «обязательного согласия» [35]. Брокдорф-Рантцау в телеграмме Шейдеману 25 февраля 1919 г. рекомендовал оказать немецко-австрийским представителям «любезный и предупредительный прием из политических соображений, чтобы сохра-

нить за собой принципиальную оценку по сложным вопросам...» [36], и просил президента Эберта не давать Бауэру какого-либо обязательного согласия по вышеперечисленным вопросам.

Один из ведущих христианских социалистов сообщал британскому дипломатическому представителю, что эта поездка «была абсолютным промахом, так как немцы не намерены были усугублять существующие трудности в отношении объединения с Немецкой Австрией» [37]. Австрия воспринималась немцами как родственная, но, тем не менее, чужая страна. Немецкая пресса опубликовывала статьи, поддерживающие в общих словах объединение, право на самоопределение народов Австрии, а также ее инициативу, но немецкие журналисты не давали никаких конкретных предложений, как этот аншлюс можно осуществить [38].

С начала 1919 г. активизировались поиски путей сепаратного, негласного соглашения между Австрией и Германией. На первое место выдвигались вопросы не политического, а экономического объединения. В речи, произнесенной 29 июля 1919 г., подводившей итог восьмимесячной деятельности в качестве министра иностранных дел, Бауэр заявил: «Когда я вступил в ведомство иностранных дел, моей главной целью было расчистить путь для объединения Немецкой Австрии с Германией». При этом он склонялся к очень простому методу решения вопроса: «поставить мир перед совершившимся фактом, ничего не спрашивая» [39].

В целях выработки конкретного плана аншлюса делегация Немецкой Австрии во главе с Бауэром вела в Берлине с 27 февраля по 2 марта 1919 г. секретные переговоры с представителями германской стороны. В ходе переговоров выявились непреодолимые противоречия при обсуждении экономических проблем. Германия стремилась затянуть соглашение по вопросу аншлюса до тех пор, пока не будут достигнуты благоприятные для Германии мирные договоры со странами Антанты. 2 марта 1919 г. Германия и Австрия подписали Берлинский протокол [40], который долгое время был полностью засекречен, чтобы не ставить под угрозу договоры о мире. Тайный протокол об объединении Германии и Немецкой Австрии заключал в себе государственно-правовые и политические соглашения, торговые, финансовые вопросы.

Но правительство Германии вело себя осторожно. Оно отказывалось зафиксировать в протоколе сроки объединения. Брокдорф-Рантцау высказался за хранение этого соглашения в тайне, так как Германии предстояли мирные переговоры и лучше

было не раздражать Антанту раньше времени. Бауэр также считал нецелесообразным опубликовывать этот договор, опасаясь, что Антанта поставит в мирном договоре такие условия, которые сделают невозможным объединение с Германией. [41]. Окончательное решение об объединении могла вынести только Антанта.

Таким образом, Австрия и Германия достигли согласия в том, что: во-первых, Австрия должна входить как независимое и целое государство в состав союзного государства. Во-вторых, присоединение Австрии к немецкой таможенной системе будет осуществляться на основании существующего немецкого таможенного тарифа для всех тех товаров, которые нуждаются в особой защите, ввиду неблагоприятных условий производства. В-третьих, для переходного периода Австрия сохраняет право самостоятельно в согласии с немецким правительством заключать договоры о торговых сношениях с областями, которые раньше принадлежали Австро-Венгерской монархии. В-четвертых, одновременно со вступлением Австрии в Немецкое государство должна установиться полная валютная общность. В-пятых, возмещение военных долгов Германия и Австрия должны нести отдельно. Вене предоставлялось привилегированное положение [42].

Двустороннее обсуждение наболевшего вопроса обернулось повышенным вниманием и недоверием со стороны стран-победительниц, которые исходили при этом из своих империалистических целей — они не хотели усиления Германии. Статья 80 Версальского договора обязывала Германию признать независимость Австрии, а Статья 88 Сен-Жерменского мирного договора содержала обязательство не нарушать независимости Австрии. Это означало, что вопрос о великогерманском объединении был снят с повестки дня.

Таким образом, решение проблемы аншлюса ставилось в зависимость от результатов мирной конференции. Австрийская внешняя политика вынуждена была приспособляться к действительности, и с октября социал-демократы более не затрагивали вопрос об аншлюсе, который резко критиковался немцами Германии. Австрия полностью зависела от продовольственных поставок и от экономической помощи стран-победительниц. Доверие к решению о независимости Австрии систематически подрывалось и вскоре погибло в сознании многих австрийцев, хотя первоначальная идея попробовать собственный путь не была чужда австрийцам. Запрет аншлюса Антантой имел

психологическое влияние на австрийцев, так как формула права самоопределения народов достигла между тем потрясающего влияния в Европе и австрийцы чувствовали себя обманутыми решением мирных договоров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kreissler F.* Von der Revolution zur Annexion. Österreich 1918—1938. Wien—Frankfurt—Zürich. 1970. — S. 55.
2. *Schausberger N.* Der Griff nach Österreich. Der «Anschluß». Wien—München. 1988. — S. 21.
3. Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Serie A: 1918—1925. Bd. 1. Gottingen. 1984. — S. 46. (далее ADAP)
4. *Schausberger N.* Op.cit. S. 33.
5. Ibid. S. 33.
6. *Jedlicka L.* Ende und Anfang Österreich 1918/19. Salzburg 1969. — S. 43.
7. Arbeiter-Zeitung 13. Oktober 1918.
8. *Stadler K.* Hypothek auf die Zukunft. Wien—Frankfurt—Zürich 1968. — S. 84.
9. Arbeiter-Zeitung 15. Oktober 1918.
10. *Renner K.* in Dokumenten und Erinnerungen. Wien. 1982. — S. 28.
11. Ibid. S. 43.
12. ADAP. 1918—1945. Serie A: 1918—1925. Bd. 1. — S. 157—158.
13. *Schausberger N.* Op.cit. S. 40—42.
14. Ibid. S. 43.
15. Arbeiter-Zeitung 16. Oktober 1918.
16. *Schausberger N.* Op.cit. S. 43.
17. Ibid. S. 44.
18. *Keleher E.* Deutschland, Deutschösterreich und die Anschlussfrage in den letzten Wochen des Ersten Weltkrieges. 1968. — S. 140.
19. Цит. по *Schausberger N.* Op.cit. S. 45.
20. Ibid. S. 45.
21. Ibid. S. 45.
22. ADAP, 1918—1945. Serie A: 1918—1925. Bd. 1. Gottingen. 1984. — S. 72—73.
23. *Miller S.* Das Ringen um «die einzige grossdeutsche Republik». Die Sozialdemokratie in Österreich und im Deutschen Reich zur Anschlussfrage 1918—1919 // Archiv für Sozialgeschichte. Bd. XI. 1971. — S. 19.
24. *Schausberger N.* Op.cit. S. 49.
25. ADAP, 1918—1945. Serie A: 1918—1925. Bd. 1. — S. 108.
26. *Schausberger N.* Op.cit. S. 50.
27. *Бауэр О.* Австрийская революция 1918 года. М.—Л. 1925. — С. 140.
28. ADAP, 1918—1945. Serie A: 1918—1925. Bd. 1. — S. 300—302.
29. Ibid. S. 198—201.
30. *Schausberger N.* Deutsche Anschlussaspirationen 1918—1919 (Bisher wenig beachtete ökonomisch-strategische Aspekte zum November 1918) // Österreich. November

1918. Protokoll des Symposiums in Wien am 24. und 25. Oktober 1978. Wien. 1986. — S. 88.

31. *Станков Н.Н.* Отто Бауэр и австро-германские отношения (ноябрь 1918 г. — июль 1919 г.) // Вилли Брандт — человек, политик: история и современность. Волгоград. 2005. — С. 168.

32. Verhandlungen der verfassunggebenden Deutschen Nationalversammlung. Stenographische Berichte. Berlin. 1920. Bd. 326. — S. 2.

33. Цит. по: *Schausberger N.* Deutsche Anschlussaspirationen 1918—1919... S. 88.

34. См: *Wengst U.* Graf Brockdorf-Rantzau und die aussenpolitischen Anfänge der Weimarer Republik. Frankfurt / M. 1973. — S. 35.

35. ADAP. Bd. 1. № 153. — S. 259—260.

36. Ibid. S. 259—260.

37. *Francis L. Carsten.* Revolution in Mitteleuropa 1918—1919. Köln, 1973. — S. 239.

38. *Schausberger N.* Österreich. Der Weg der Republik, 1918—1980. Graz-Wien. 1980. — S. 45.

39. *Турок В.М.* Очерки истории Австрии, 1918—1929. М., 1955. — С. 194.

40. *Steininger R.* 12. November 1918 bis 13. März 1938: Stationen auf dem Weg zum «Anschluß» // Österreich im 20. Jahrhundert. Von der Monarchie bis zum Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. Wien-Köln-Weimar. 1997. — S. 104.

41. *Бауэр О.* Указ.соч. — С. 140—141.

42. ADAP. Bd. 1. № 205. S. 382—385.